

*Посвящается моей матери Ирен,
дедушке Анатолию и бабушке Марусе
в благодарность за их рассказы,
которые меня вдохновили на эту книгу*

Когда же я ей сказал, что супруг ее желает освободить пленных не иначе как разменом за нее, то Булыгина дала нам ответ, поразивший всех нас, как громом, и которому мы в течение нескольких минут не верили, приняв за сновидение. Мы с ужасом, горестью и досадой слушали, когда она решительно сказала, что, будучи теперь довольна своим состоянием, не хочет быть вместе с нами и советует нам добровольно отдаться в руки того народа, у которого находится она.

*Тимофей Тараканов**

Услышишь гром и вспомнишь обо мне,
Подумаешь: она грозы желала...

Анна Ахматова

* Из книги: В. М. Головин. Описание примечательных кораблекрушений, претерпенных русскими мореплавателями. Рассказ Тимофея Тараканова. (Здесь и далее, если не указано иное, примеч. автора.)

Предисловие

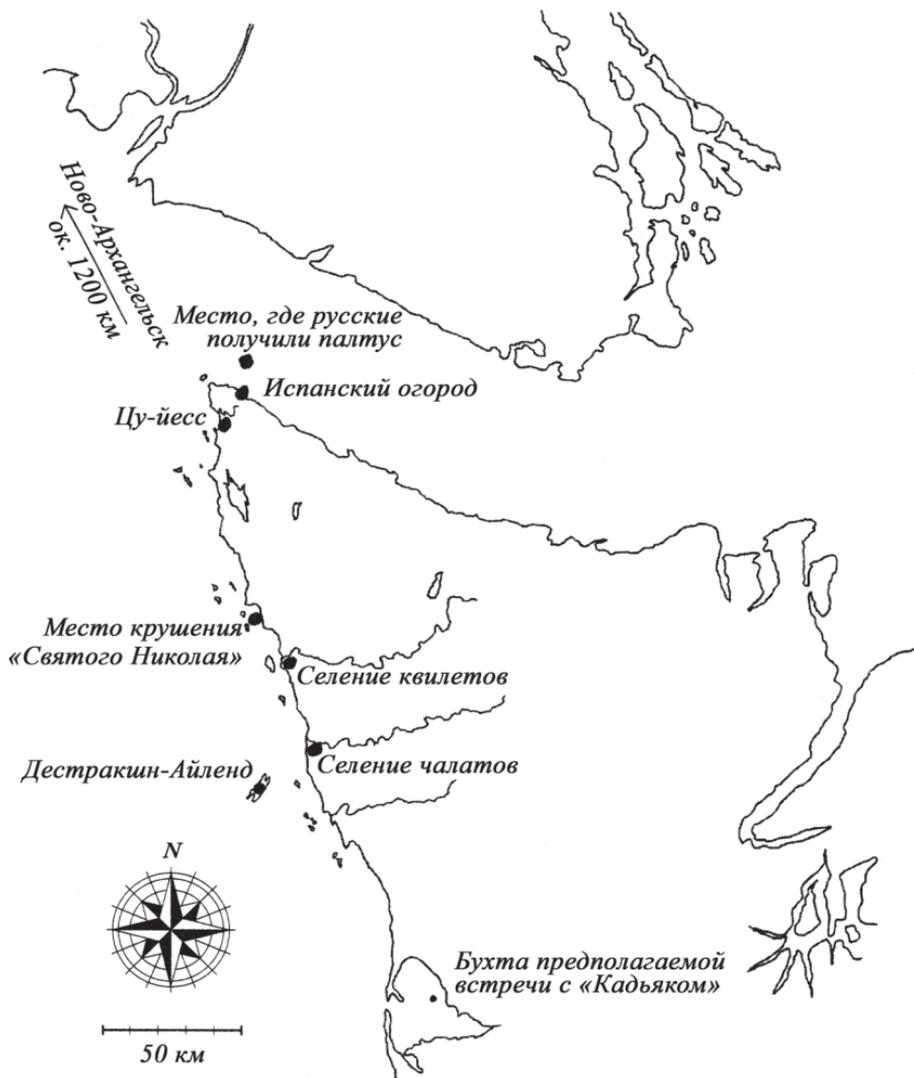
В ноябре 1808 года русский корабль «Святой Николай» сел на мель у западных берегов полуострова Олимпик в штате Вашингтон, рядом с современной резервацией Ла-Пуш. Согласно сохранившимся свидетельствам, двадцать два человека, находившихся на борту, выбрались на сушу и попали в рабство к населявшим побережье племенам индейцев, которые без конца перепродавали их, пока уцелевших не спасли полтора года спустя. Среди мореплавателей была восемнадцатилетняя Анна Петровна Булыгина, жена капитана.

Существуют два письменных свидетельства этой истории. Первое — это рассказ русского торговца пушниной Тимофея Осиповича Тараканова, ответственного за груз на корабле. После спасения он поведал историю своих приключений капитану российского военного флота В.М. Головнину, а тот записал ее и издал в России в 1874 году. Вторым свидетельством

стало устное предание племени квилетов, которое старейшина Бен Хобукет пересказал федеральному чиновнику по делам индейцев Альберту Рейгану в 1909 году, а опубликована эта история была в 1934-м. В 1985 году обе версии были изданы одной книгой, названной «Крушение “Святого Николая”» под редакцией и с предисловием покойного историка Кеннета Н. Оуэнса. Несмотря на разные источники, в них на удивление мало противоречий.

В обоих рассказах Анна — далеко не главный герой, хотя она сыграла ключевую роль в том, что происходило. Когда ее пытались вызволить, она отказалась от помощи и вместо этого убедила своих спасителей сдаться. Это повлекло за собой цепь событий, которые с современной точки зрения оставили заметный след в истории полуострова Олимпик.

В этом романе раскрываются мотивы поведения Анны в течение нескольких недель до кораблекрушения и нескольких последующих месяцев. Эта вымышленная версия произошедшего и его причин в определенной степени отличается от письменных свидетельств, поскольку события в ней рассматриваются под другим углом, нежели в исторических документах. Я старалась не погрешить против истории, насколько я ее понимаю и насколько это возможно в художественном произведении.



Полуостров Олимпик, шт. Вашингтон

ОСЕНЬ
1808 ГОДА

Глава первая

Я едва могу разглядеть свою любимую Полярную звезду. Облака, будто сотканые из тончайшего муслина, заволокли все небо и затмили звезды. Но я все равно не свожу с нее телескопа. Может быть, если я подожду, она снова появится — ослепительный маяк, вокруг которого вращаются небеса. Штурманы зовут ее Северной, или Корабельной, звездой. А истинные любители, вроде моего отца, называют *Alpha Ursae Minoris: alpha* — потому что она самая яркая, а *ursae minoris* — потому что находится в созвездии Малой Медведицы.

Конечно, ее всегда будут любить за то, что она столетиями указывает путь купцам и первооткрывателям на суше и на море. Но мне она мила по причине, которую знают лишь немногие. Потому что это не одна звезда. И даже не две. А целых три. Может, и больше. Никто бы этого не знал, если бы не известные астро-

номы месье Уильям Гершель и мадемуазель Каролина, его ученая сестра. Надеюсь, однажды я тоже совершу великое открытие.

Накренившись, наш бриг со стоном вздымается на гребень волны. Я рывком убираю телескоп и шарю свободной рукой. До фальшборта почти не дотянуться, но мне это удастся. Я прижимаю телескоп к груди. Корабль крепится в противоположную сторону и с глухим стуком опускается. Я покачиваюсь. На лицо падают ледяные брызги, и я вздрагиваю. Вытираю шалью капли с телескопа, надеясь, что вода не просочилась внутрь и не испортила его. Это не самая лучшая моя шаль, хоть и теплая — из серой шерсти, с голубой бахромой, которая кажется чересчур нарядной для нее. Меня не беспокоит, что на шали могут остаться пятна от соли, к тому же их никто и не заметит.

— Аня!

По палубе ко мне шагает муж. Как и остальные члены команды, он твердо держится на ногах, ведь он уже много лет плавает на судах Российско-Американской компании. Качка его не беспокоит, но я еще не привыкла к капризам волн.

— Что ты здесь делаешь? Пойдем в каюту.

Николай Исаакович обнимает меня за талию, и, поскольку вахтенным не видно нас

в темноте, я прижимаюсь к нему, отпустив фальшборт. Его теплое тело укрывается меня от ветра. Борода колет мне шею.

— Хотела взглянуть в последний раз, — говорю я.

Он знает, что я заносу свои наблюдения в журнал, наподобие тех научных публикаций, над которыми днями и ночами корпит отец. В Петербурге я помогала отцу с его журналом. Теперь я веду свой, и он станет первым перечнем созвездий, которые можно увидеть вдоль всего побережья от Ново-Архангельска до испанских колоний в Калифорнии.

К моему огромному разочарованию было много пасмурных ночей, когда звезды прятались за облаками. И много пасмурных дней. В такие дни серое небо сливалось с серым морем, и бриг продвигался медленно, словно телега с треснувшим колесом. Заносить в журнал созвездия получалось не так часто, как я надеялась. Поэтому сегодня, увидев, что ночное небо выглядит многообещающе, я крепче завязала чепец и заколола шаль под горлом, чтобы не мерзнуть и больше времени провести на палубе.

Муж отпускает меня, и я снова цепляюсь за фальшборт.

— Харитон Собачников! — зовет он.